

БЕСПРАВНАЯ ПЕСНЯ МОЯ

**Марина ЦВЕТАЕВА и
София ПАРНОК**

София Яковлевна Парнок (Парнох) - прекрасная поэтесса Серебряного века. Ее стихи чисты и спокойны. Проникнуты атмосферой тонкой грусти.

**У Марины Цветаевой есть цикл стихов
"Подруга", посвященный Парнок.
Вот одно из этих стихотворений:**

"Свободно шея поднята,
Как молодой побег.
Кто скажет имя, кто - лета,
Кто - край ее, кто - век?
Извилина неярких губ
Капризна и слаба,
Но ослепителен уступ
Бетховенского лба.
Светло-коричневым кольцом
Слегка оттенены,
Владычествуют над лицом
Глаза, как две луны.
До умиленности чист
Истаявший овал.
Рука, к которой шел бы хлыст
И - в серебре - опал."

Образ Парнок отчетливо проявляется и в других стихах Цветаевой, которые не были включены в этот цикл.

Марина Цветаева и София Парнок. Одна - поэтесса, другая - литературный критик и тоже поэтесса. Обе - странницы, идущие своими путями, по выражению самой Марины. Одной только-только исполнилось 22, второй — уже 29.

Своеобразной хроникой этой любви стали цикл Цветаевой «Подруга», другие ее стихи, написанные в это время, «Письмо к Амазонке» и первый сборник стихотворений Софии Парнок. Это и накал «треклятых страстей», и высшее единение, и «горечь разлуки».

*Музы услышанный шепот,
Арфы взволнованный плеск,
Речки стремительной рокот,
И искренней радости блеск,
Нежность и трепетность ласки,
Алый цвет бурных страстей,*

*Царственный взгляд без опаски,
Вяжущий вкус новостей..
Едкие, горькие мысли,
Гаволя цвет сорвала,
А вост закончился - ты с ним
Единодушно ушла.
В памяти нашей оставила
Алой рябины ты зарево..*

У обеих -надрыв, несовместимость с миром, у каждой «излом дороги». Как они похожи, как похожи их судьбы, их страдания, чаяния, мечты и даже неудачи. Обе несчастны. Марина пишет в 1 стихотворении из цикла **«Подруга»**: **«Вы счастливы? — Не скажете! Едва ли! И лучше — пусть!»** Именно этим они и схожи.

**Соня в стихотворении «Снова на профиль
гляжу я твой крутолобый» пишет
«мы двойника друг в друге нашли».**

Вы счастливы? — Не скажете! Едва ли!
И лучше — пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной—
Красноречив!

Я Вас люблю. — Как грозовая туча
Над Вами — грех —
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех,

За то, что мы, что наши жизни — разные
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобый,
Скажу прости,
За то, что Вас — хоть разорвись над
гробом!
Уж не спасти!

За эту дрожь, за то—что —- неужели
Мне снится сон? —
За эту ироническую прелесть,
Что Вы — не он.

16 октября 1914

Первая встреча описана не в 1-ом стихотворении цикла, а в 10-м, которое датировано 28 январем 1915-го, то есть спустя достаточно много времени по временной шкале их романа.

Могу ли не вспомнить я
Тот запах White-Rose* и чая,
И севрские фигурки
Над пышащим камельком...

Мы были: я — в пышном платье
Из чуть золотого фая,
Вы — в вязаной черной куртке
С крылатым воротником.

Я помню, с каким вошли Вы
Лицом — без малейшей краски,
Как встали, кусая пальчик,
Чуть голову наклоня.

И лоб Ваш властолюбивый,
Под тяжестью рыжей каски,
Не женщина и не мальчик, —
Но что-то сильнее меня!

Движением беспричинным
Я встала, нас окружили.
И кто-то в шутливом тоне:
«Знакомьтесь же, господа».

И руку движеньем длинным
Вы в руку мою вложили,
И нежно в моей ладони
Помедлил осколок льда.

С каким-то, глядевшим косо,
Уже предвкушая стычку, —
Я полулежала в кресле,
Вертя на руке кольцо.

Вы вынули папиросу,
И я поднесла Вам спичку,
Не зная, что делать, если
Вы взглянете мне в лицо.

Я помню — над синей вазой —
Как звякнули наши рюмки.
«О, будьте моим Орестом!»,
И я Вам дала цветок.

С зарницею сероглазой
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили—платок.

28 января 1915

- ***В этом стихотворении мне слышатся ностальгические нотки по тому времени, когда все только начиналось. Любованье ситуацией, в которой так много может быть, но еще ничего нет. Неизбывное женское влечение к ПРЕДвкушению, которое вполне может быть удовлетворено лишь с так же тонко его чувствующей и им упивающейся ЖЕНЩИНОЙ***

Но кто теперь должен сделать следующий шаг?

Марина «поцелуй отстраняет уловкою»

(**"Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою"**),

Соня ,в свою очередь, длит молчание:

Скажу ли вам: я вас люблю?

Нет, ваше сердце слишком
зорко.

Ужель его я утолю

Любовною скороговоркой?

Не слово,— то, что перед ним:

Молчание минуты каждой,
Томи томленьем нас одним,
Единой нас измучай жаждой.

Увы, как сладостные "да",

Как все "люблю вас" будут
слабы,

Мой несравненный друг, когда
Скажу я, что сказать могла бы

Таким образом, наши героини филигранно ведут неуловимую и при этом невероятную по своему накалу битву. Любовное "танго" настолько же завуалировано насколько и откровенно. Женское сталкивается с таким же женским и в этом особенность их романа. Обе находят в нем томительную и заворживающую привлекательность. Здесь априори не может быть победительницы. Только самой ЛЮБВИ готова сдаться каждая.

**То есть покориться не напору подруги (которого и нет!), а своему собственному влечению. Соблазн тем слаще, что исходит из недр самой себя.
Не устоять самой перед собою!**

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? — Чья победа?
—
Кто побежден?

Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? — Кто —
добыча?
Всё дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно
мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только
мяч?
Чье сердце — Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки — что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914г.

Предвкушение, трепет, само приближение к близости - делятся, делятся, делятся... Однако дамы наши исключительно безмерны в своем вероломстве ("Никто в наших письмах роясь, не понял до глубины, Как мы вероломны, то есть как сами себе верны"), Марина - в первую очередь.

**Накал достигает немыслимого, невыносимого
градуса. И как результат перенапряжения -
охлаждение.**

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Взгляд отрезвленной, грудь
свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно
быть,
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я — в тумане—
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабаня
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный —
этот вот,
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес,
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

**«Ты проходишь своей дорожкой,
И руки твоей я не трогаю».**

Для Марины арена всего происходящего всегда – только ее душа. На этом этапе ей важно осознавать, что она не является заложницей собственных чувств. И она как бы пробует насколько ЭТО сильнее ее и умиротворенно констатирует, что влечение не властвует над ней. Ей не больно, ей - НИКАК. Она твердо решает: эмоции испытаны, продолжения этому не стоит быть. Слишком все неразборчиво, нелинейно, не «так ясно, просто и грубо-грубо!»

**А тут еще и предыдущая, не до конца
закрытая связь Сони - Раечка
(Ираида Альбрехт) маячит.**

Сегодня, часу в восьмом,
Стремглав по Большой Лубянке,
Как пуля, как снежный ком,
Куда-то промчались санки.

Уже прозвеневший смех...
Я так и застыла взглядом:
Волос рыжеватый мех,
И кто-то высокий — рядом!

Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой, —
Сильнее, чем я — желанной.

- — Oh, je n'en puis plus, j'etouffe*—
Вы крикнули во весь голос,
Размашисто запахнув
На ней меховую полость.

Мир — весел и вечер лих!
Из муфты летят покупки...
Так мчались Вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.

И был жесточайший бунт,
И снег осыпался бело.
Я около двух секунд —
Не более — вслед глядела.

И гладила длинный ворс
На шубке своей — без гнева.
Ваш маленький Кай замерз,
О Снежная Королева.

26 октября 1914

**Марина взорвалась, но сразу, через две секунды...
успокоилась. Она и только она сама себе и Снежная
Королева, и Кай. Только слово «вечность» — вечно, а все
остальное проходит**

Ужель конец? Глаза
ненасытимы,
Уста мои ненасытимей глаз,
Сама судьба им указала вас,
Но лишь мгновенье пробыли
одни мы.
Ужель последним будет
первый раз?
Молчание — не тот же ли
отказ!
Я не молю, мой друг
неумолимый,
Но как, тоскуя, не спросить
хоть раз:
Ужель конец?

**Соня же в этой
ситуации оказалась
простодушной. Она
не может понять,
что такое Маринино
охлаждение – то ли
шаг назад, очередное
«па» в их
замысловатом танго,
то ли конец игры,
которой она искренне
зажглась:**

**Она уже желает более
внятных проявлений
своих чувств. Однако, еще
не помышляет не только
о жестах, но даже о
словах, которые могут
быть расценены, как
просьба или требование.
Лишь дает знать о своей
готовности к более
решительным действиям**

Не сохранилось описания их впечатлений о том, как они снова примирились. Но как не встретиться, когда обеим хочется? Когда общение желанно...

...Но тоска во мне — слишком вечная,
Чтоб была ты мне — первой
встречною.

Сердце сразу сказала: «Милая!»
Всё тебе — наугад — простила я,
Ничего не зная, — даже имени! —
О, люби меня, о, люби меня!

Вижу я по губам — извилиной,
По надменности их усиленной,
По тяжелым надбровным выступам:
Это сердце берется — приступом!

Платье — шелковым черным
панцирем,
Голос с чуть хрипотцой цыганскою,
Всё в тебе мне до боли нравится, —
Даже то, что ты не красавица!

Красота, не увянешь за лето!
Не цветок — стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого
Увезенный — с какого острова?

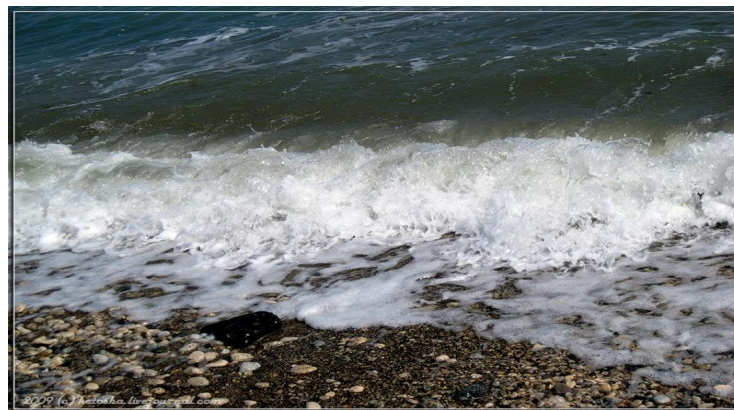
Опахалом чудишь, иль тросточкой, —
В каждой жилке и в каждой косточке,
В форме каждого злого пальчика, -
Нежность женщины, дерзость
мальчика.

Все усмешки стихом парируя,
Открываю тебе и миру я
Всё, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена!

14 января 1915

Это было 9-ое стихотворение цикла, которое написано несколько позже описываемых событий. В нём Марина уже вполне откровенна с собой. Она уже переступила грань, за которой сознание независимости от собственных чувств и желаний перестало быть для нее столь важным.

***И они встретились. Вот как описан Соней их
поход в кинотеатр
(Марина была настоящей киноманкой):***

Этот вечер был тускло-
палевый,—
Для меня был огненный он.
Этим вечером, как пожелали Вы,
Мы вошли в театр "Унион".

Помню руки, от счастья слабые,
Жилки — веточки синевы.
Чтоб коснуться руки не могла бы
я,
Натянули перчатки Вы.

Ах, опять подошли так близко Вы,
И опять свернули с пути!
Стало ясно мне: как ни
подыскивай,
Слова верного не найти.

Я сказала: "Во мраке карие
И чужие Ваши глаза..."
Вальс тянулся и виды
Швейцарии,
На горах турист и коза.

Улыбнулась,— Вы не ответили...
Человек не во всем ли прав!
И тихонько, чтоб Вы не заметили,
Я погладила Ваш рукав.

Наступил новый этап их взаимоотношений, сначала —
единение, потом — взлет любви.

"Хочу у зеркала, где муть", 1915 год

Это одно из последних стихотворений цикла. Главный мотив - мотив принятия судьбы, «отпускания» возлюбленной.

Героиня гадает перед зеркалом о судьбе своего любимого человека. Создаётся впечатление, что она уже пережила эту любовь и готова принять участь покинутой - заинтересованность в последующих событиях жизни Софии не более чем желание доказать самой себе её несостоятельность в качестве друга, её легкомысленность, которая была раскрыта в первых стихотворениях цикла. Если смотреть на результат гадания более глобально, можно увидеть в нём прогноз на всю жизнь с её логическим завершением – одинокой смертью. Но, возможно, это лишь сравнение разлуки с «маленьким умиранием» человека для того, кто ещё любит.

Герои стихотворения «Я» и «Вы» разлучены в пространстве и во времени. Они занимают позиции наблюдателя и наблюдаемого, и только зеркало, как предмет из сферы мистического, статично, оно стоит вне пространства и времени.

**Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать, куда вам путь
И где пристанище.**

**Я вижу мачты корабля
И вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда, поля –
В вечерней жалобе...**

**Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны...
Благословляю вас на все
Четыре стороны!**

**Переживания и чувства
Цветаевой на протяжении
всего их с Софией романа
были самыми разными и
варьировались от нежной
привязанности до ревнивой
тоски с оттенком
отчуждения и негодования.**

...

**Марина была человеком
страстей (не путать со
«страстным человеком»). И
она не простила Соне её
СИЛЫ. «Не женщина и не
мальчик, Но что-то сильнее
меня»**

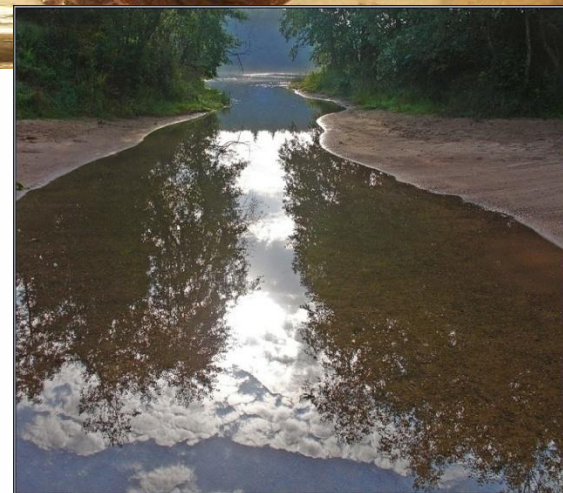
**А это стихотворение С.Парнок посвятила
Марине Цветаевой:**

Смотрят снова глазами
незрячими
Мать Божья и Спаситель-
младенец.
Пахнет ладаном, маслом и
воском.
Церковь тихими полнится
плачами.
Тают свечи у юных смиренниц
В кулачке окоченелом и жестком.
Ах, от смерти моей уведи меня,
Ты, чьи руки загорелы и свежи,
Ты, что мимо прошла, раззадоря!
Не в твоём ли отчаянном имени
Ветер всех буревых побережий,
О, Марина, соименница моря!

Морская и Мудрая, знали ли вы,
что слово способно убить вас, глупышек,
что слово надменною завистью дышит
к вам - юным, свободным, живым?
Ему, заключённому, там, на скрижалях,
неведомы боли его матерей.
Ему бы к другим дотянуться скорей.
Горячее. Мёртвое. Слову не жаль их.
Оно ли встаёт между вами стеной,
могучее - камень едва ли прочнее -
оно ли в ночи между вами чернеет,
оно ли лежит неизбывной виной?
Я вижу, как вы покорились, слепые
(а думали - зрячи. но кто из нас зряч?),
и пульс ваш - болезненнен, бешен, горяч -
не вам, а ему лишь подвластен отныне.
Рабыни. Рабыни. Рабыни. Рабыни!
Над каждою строчкой нависла беда.
Любовь написали. Так было всегда:
она вас со словом - по слову - покинет.

- Презентацию подготовила учитель МБОУ СОШ № 119 г.Новосибирска Рябизова Валентина Сергеевна
- Материал для презентации был взят в интернете для блога
- <http://www.proshkolu.ru/user/ryabizova/blog/138314/>, а потом и для презентации